

ВСЕ РОЛИ — ХАРАКТЕРНЫЕ

К. С. Станиславский в 1936 году написал на фотографии:

«Б. Н. Ливанову. Милому и любимому артисту, хорошему человеку. Кому много дано, с того много и спросится. Отвечайте мне, что Вы сделали с Вашим прекрасным талантом? Поняли Вы главные основы искусства? Изучили Вы их? Знаете ли Вы, что единственная радость в нашем деле — познавание творческих тайн органической природы!..»

Вы один из тех, об котором я думаю, когда мне мерещится судьба театра в небывало прекрасных условиях для его расцвета — в нашей стране.

Любящий и надеющийся на Вас К. Станиславский».

Стоило хотя бы один раз увидеть Бориса Николаевича Ливанова на сцене или на экране, чтобы уже никогда не забыть этого артиста. Равнодушных к его игре не было. Одних он восхищал смелостью своих сочных, порой слишком преувеличенных красок, других удивлял неожиданностью решения образа.

Не так много примеров в истории театра, а тем более в истории кино, когда один актер создавал бы такие разные, контрастные образы и в каждом образе открывал бы парадоксальные грани.

Его размашистый, озорной и веселый Швандя совсем не был похож на романтического, красивого Чацкого, а буйный, неумный Ноздрев с его все разрушающим темпераментом ничего общего не имел с ро-

ковым и демоническим, скульптурным Соленым, душа которого была переполнена клоуническим рыданием от безнадежной любви к Ирине. Такими же полюсными были и два образа в «Кремлевских курантах» — матрос Рыбаков и инженер Забелин, созданные Ливановым в разные годы. Недаром сам актер говорил: «Нехарактерных ролей нет! — все роли характерные — характеры, образы, а не амплуа — вот что самое интересное!»

Борис Николаевич был великопленным рисовальщиком. И он часто сперва на бумаге делал эскизы того образа, который он собирался воплотить на сцене. Рисунки эти были яркими и определенными, как тот образ, который подсказывала его дерзкая фантазия. Иногда даже казалось, а можно ли

такой образ воплотить на сцене, будет ли эта яркая форма оправдана и наполнена содержанием? Но, как известно, Ливанов почти всегда одерживал победы на этом пути. Он был верный ученик К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, и для него было важно не только как играть роль, но и что этой ролью сказать зрителям. И как были мудры его учителя, поручая Ливанову роли противоположного плана, давая возможность актеру в каждой роли как бы заново рождаться!

А в кино? Изнывающий от хандры, могучий, как лев, с перевязанным глазом «светлейший князь» Потемкин в фильме «Адмирал Ушаков» был неожиданным и ярчайшим созданием. Так же как и последняя роль Ливанова в кинофильме «Степень риска» была неожиданна своей страстью, скупостью красок и глубиной. В кино у Ливанова никогда не было «случайных» ролей — он не позволял себе этого. В кино он сыграл не меньше ролей, чем в Художественном театре. Многие из них тоже стали классикой актерского искусства.

В конце 1937 года Борис Николаевич приступил к труднейшей работе в своей жизни. Он сделал инсценировку по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и приступил к ее постановке на сцене театра. Причем сам он еще репетировал главную роль — Дмитрия Карамазова. Сейчас, вспоминая эту работу, я вновь и вновь поражаюсь не только его таланту, масштабу его личности, но и невероятной энергии. Шла ежедневная интенсивная работа Ливанова — актера, режиссера, автора инсценировки и всего спектакля. И эта работа шла больше двух лет... Пожалуй, в театре только Борис Николаевич был способен на такой творческий подвиг — провести 324 репетиции, наполненные

страстями Достоевского, а главное, вместе с актерами воплотить на сцене образы этого гениального романа. Во время этих интереснейших репетиций он как режиссер (вместе с П. А. и В. П. Марковыми) ставил перед актерами невероятно смелые, казалось, невыполнимые задачи. Но Ливанов не только увлекал актеров своей безбрежной фантазией, но и удивительно терпеливо помогал им воплощать эти замыслы. В этом спектакле родились такие шедевры, как Смердяков В. Грибкова и Федор Павлович М. Прудкина.

В этой работе раскрывались все лучшие качества Бориса Николаевича — его душа человека и художника. Для него это был период «бури и натиска». Казалось, он поставил на карту все, для него это был как бы рубеж в его жизни, экзамен. Недаром он часто повторял: «Константин Сергеевич говорил, что каждый спектакль надо играть как первый, а я думаю, что каждый спектакль надо играть как последний в своей жизни!». Так он и работал всю жизнь — на сцене, на съемках, за режиссерским столом, на радио и даже на концертах — с полной отдачей сил и таланта. Бывали, конечно, и неудачи, но чаще бывали такие взлеты, от которых буквально захватывало дух.

Он и в жизни был всегда невероятно интересен — остроумен и обаятелен. В компании ли артистов, или на серьезном заседании, или просто в гостях он завладевал вниманием всех и увлекал своими выступлениями, рассказами и показами.

Борис Николаевич был прекрасный карикатурист. Его не всегда дружеские, но всегда точные шаржи теперь изданы и широко известны. А когда они впервые появились в печати, то, говорят, Кукрыниксы в шутку предложили Борису Николаевичу объединиться с ни-

ми. На что Ливанов с присущим ему остроумием ответил: «Но это для вас опасно — ведь тогда общий псевдоним у нас будет — «Кукрыниксы ли?»».

У нас в театре до сих пор вспоминают шутки и остроты Бориса Николаевича: так, про одного очень похудевшего актера он сказал: «Это не телосложение, а теловычитание». Или когда ему позволили из театра и сказали: «Борис Николаевич, вас завтра вызывают в художественную часть», — он в шутку ответил: «Как это художественная часть может вызывать к себе художественное целое?» И таких каламбуров и острот было множество.

Он общался и дружил с огромным числом людей. Он прекрасно разбирался в живописи, знал и любил музыку, литературу, поэзию, был в курсе всех событий, происходивших в мире, невероятно, страстно любил свою Родину, ее природу, историю и искусство. Всегда с уважением и любовью говорил о своих учителях — К. С. Станиславском, Вл. И. Немировиче-Данченко, В. И. Качалове и обо всех первых «стариках» театра. А как интересно было во время гастролей с ним бродить по сказочному Ленинграду или ходить по музеям! С какой нежностью он говорил об истории старой Москвы, которая становилась живой в его рассказах.

Когда он, высокий, стройный, красивый, стремительно входил в театр, то все ждали от него чего-то нового, всегда интересного, необычного и талантливого! И хотя Борис Николаевич нигде не преподавал и никого никогда не учил, но у него многие учились. Учились его преданности Художественному театру, полной отдаче себя роли, остроте внешнего рисунка, смелости фантазии, широте взглядов и благородству души. Ведь его личность артиста, художника, человека, казалось, была неиссякаема...

Владлен ДАВЫДОВ,
народный артист РСФСР.
● Народный артист СССР
Борис Ливанов.
Фото И. Александрова.

8 МАИ 1984

СВЕТЛОЛАЗОВЫЙ
г. Москва